

Инструкция по печати

1. Распечатайте первую половину страниц, за исключением этой (стр. 2-9).
В настройках печати укажите **альбомную ориентацию** и **автоцентрирование** страницы;
2. Запомните, с какой стороны принтера оказалась часть листа с верхом напечатанного текста;
3. Переверните только что напечатанные страницы и вновь вставьте их в принтер (верх текста должен остаться с той же стороны принтера);
4. Распечатайте вторую половину страниц (стр. 10-17) с теми же настройками печати.

Сказка об Иванушке- дурачке

Основано на издании 1844 г

молчат, словно рыбы, ни слова вымолвить не могут. А зять царю Гороху с царицей Морковью поклонился и рассказал, как искал он яблоньку с серебряными листьями да с золотыми яблочками, как ловил свинку с золотой щетинкой, с серебряными клыками да с двенадцатью поросятами, как три дня и три ночи со Змеем Горынычем сражался, чтобы добыть кобылицу с золотой гривой да с алмазными копытами. А потом достал платочек, в котором пальцы да уши Фомы с Пахомом завёрнуты, и поведал, как братья яблоньку, свинку да кобылицу у него выменяли. Ох и рассердился царь Горох! Ногами затопал, руками захлопал, велел братьев Иванушки-дурачка из дворца выгнать. Одному приказал свиней на скотном дворе пасти, а другому – кур на птичьем дворе стеречь. А зять своего государь велел самым главным начальником над всеми боярами да воеводами назначить. После смерти царя взойшёл Иванушка-дурачок на престол, стал он мудро государством управлять, все подданные его уважали. А с царевной Ярославой жили они в любви да согласии долгие-долгие годы.

Сказка об Иванушке-дурачке

Эту сказку нам московский купец Николай Полев рассказал, а уж мы её вам пересказываем. Вот послушайте, люди добрые, как тот сказ начинается...

Тянется облако по широкому поднебесью, ходит вихрь по дремучему лесу, а сказанья народные гуляю меж людьми добрыми. Уж как хитра сказка русская! Прибауток у неё, что у красной девицы в косе лент разноцветных. Приговорок у неё, как у гуляки веселья: что ни день, то праздник, если душа поёт, то и выпить не грех, а кто всему рад, тот уже до света пьян, в обед хмелён, вечером опохмеляется, на следующий день от головной боли лечится, а послезавтра опять праздника ждёт. Коли стал уж ты сказку слушать, так сиди тихо, рассказчика не перебивай, он не за деньги старается, а за благодарность людскую. Слушай внимательно да на «спасибо» не скупись – доброе слово и кошке приятно. А пойдёт тот сказ об Иванушке-дурачке – не каком-нибудь заморском, а о нашем, исконно русском. Дури у русского Ивана, что у немца ума. Только дурь та – разуму сводная сестра, а шутке сватья. Коли понял всё, так ступай душа на раздолье! Это присказка была, а

кобылицу. Стали братья отнекиваться:

— Мы таких слов не говорили, ни о какой кобылице слыхом не слыхивали!

Только государь на своём стоит:

— Коли не добудете мне кобылицу с золотой гривой да с алмазными копытами, велю вас сжечь, а пепел по миру развеять!

Делать нечего, пришлось Фома с Пахомом в путь отправляться. А Иванушка-дурачок про то прознал, сел на палочку верхом да добрался до чистого поля. Свиснул там Сивку-бурку, влез ему в одно ушко, из другого вылез, добрым молодцем обернулся, коня пришпорил и велел мчать его туда, где Змей Горыныч в железной конюшне, за семью дверями с семью замками кобылицу с золотой гривой да с алмазными копытами держит. Долго Сивка-бурка скакал, пока не добрался до острова, где Змей Горыныч живёт. Три дня и три ночи добрый молодец с тем чудищем сражался, пока победу не одержал. А потом сбил он семь замков с семи дверей, вошёл в железную конюшню, взял под уздцы кобылицу с золотой гривой да с алмазными копытами и поскакал к царю Гороху. Посреди пути повстречал старших братьев. Не признали Фома с Пахомом Ива-

му, о своей беде расскажет, от знахаря какой-то корешок получит, так красная девица вмиг и полюбит горемыку. Или бывает, пропажа у кого случится, так колдун поворожит на воде, сразу вор и отыщется. А уж болезни он лечил, словно рукой снимал: даст какого-нибудь заморского зелья либо обдунет три раза, и сразу хворый выздоровеет. Только как ни умён был старик, а собственные дети не в него пошли. Двое старших-то ещё туда-сюда, серединка на половинку – вперёд не забегали, но и позади других не отставали. А младший вырос глупец глупцом, простаком сердечным, до трёх даже считать не научился, только ел, пил да на печи лежал.

Фома с Пахомом женились, детей нажили, да жили, как жилось – ни шатко, ни валко. А Иван всё бо-былём ходил – кто ж за такого неразумного замуж пойдёт? Старшим сыновьям Никодим помогал, а о младшем совсем не заботился – такой глупец умнее умного проживёт, много ли ему надо? Хоть и недалёк умом Иван был, а всё равно его все соседи любили: смирный, что водой не замутить; добрый, что пояс попроси, а он и кафтан отдаст, рукавицы у него возьми, а он и шапкой в придачу поклонится. Звали его люди не ина-

у неё и листья серебряные, и яблочки золотые, а все равно, дерево – оно и есть дерево! Похваляются братья твоего зятя, будто знают, где живёт свинка с золотой щетинкой, с серебряными клыками да с двенадцатью поросятами

Позвал царь Фому с Пахомом и велел добыть чудо-свинку с приплодом. Уж как братья не отнекивались, а послушаться не посмели. Дал им государь по золотой карете да по двести тысяч рублей. А Иванушка-дурачок про то прознал, оседлал корову задом наперёд и добрался на ней до чистого поля. Свистнул там Сивку-бурку, влез ему в одно ушко, из другого вылез, добрым молодцем обернулся, коня пришпорил да велел мчать его туда, где живёт свинка с золотой щетинкой, с серебряными клыками да с двенадцатью поросятами. Сунул он её вместе с приплодом в мешок и царю Гороху повёз. Посреди пути повстречал старших братьев. Не признали Фома с Пахомом Иванушку-дурачка, стали просить продать чудо-свинку с поросятами. А добрый молодец им отвечает:

— Нет, они не продажные, а заветные.

— А каков же завет? – спрашивают братья.

— Да завет невелик: отдайте мне каждый по пальцу

лотить. А ты всё равно ничего не делаешь, так что сходи-ка вместо меня к отцу на могилку.

Младший брат-то добрый, безотказный.

— Ладно, – отвечает.

Взял он краюху хлеба, пришёл на погост, съел свой нехитрый ужин, а потом лёг да захрапел. Как ударила полночь, земля зашевелилась, ветер завыл, сова-полуночица застонала, камень гробовой свалился и вышел из могилы отец.

— Кто здесь? – спрашивает старик.

— Я, Иванушка-дурачок, – отвечает младший сын.

— А что ж Фома не пришёл? Ведь сегодня его очередь!

— Дык ему завтра рано вставать надобно, хлеб молотить, а я всё равно ничего не делаю.

— Ладно, сын мой любезный, награжу я тебя за то, что ты вместо старшего брата волю отцовскую исполняешь.

Гаркнул Никодим молодецким голосом, свистнул богатырским свистом:

— Гей ты, Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!

И тут же земля задрожала, прискакал конь мед-

Делать нечего, велел государь пир готовить. Обвенчали молодых, три дня народ в том царстве пил да гулял, игрищами забавлялся. Как отыграли свадьбу, назначил царь Горох Фому с Пахомом воеводами, подарил им по целой деревне.

Только скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Как стали старшие братья богатыми, загордились, зазнались: мелкую челядь и на двор к себе не пускали, а старым боярам велели шапки перед ними снимать. Не понравилось это народу, решили люди Фому с Пахомом проучить. Вот пришли посланники к царю Гороху и говорят:

— Государь ты наш справедливый! Похваляются братья твоего зятя, будто знают, где растёт яблоня с серебряными листьями, с золотыми яблочками.

Позвал царь Фому с Пахомом и велел добыть чудояблоньку. Уж как братья не отнекивались, а ехать пришлось. Дал им государь лошадей из царской конюшни да по сто тысяч рублей. А Иванушка-дурачок про то прознал, оседлал задом наперёд клячу хромую и добрался на ней до чистого поля. Свистнул там Сивку-бурку, влез ему в одно ушко, из другого вылез, добрым молодцем обернулся, коня пришпорил да велел мчать

— Мне завтра рано вставать надобно, на базар ехать. А ты всё равно ничего не делаешь, так что сходи-ка вместо меня к отцу на могилку.

И ему младший брат не отказал.

— Ладно, – отвечает.

Взял он кусок пирога, пришёл на погост, съел свой ужин, а потом лёг да захрапел. Как ударила полночь, земля зашевелилась, ветер завыл, вихрь закрутил, сова-полуночица застонала, вороньё над кладбищем закружило, камень гробовой свалился и вышел из могилы отец.

— Кто здесь? – спрашивает старик.

— Я, Иванушка-дурачок, – отвечает младший сын.

— А что ж Пахом не пришёл? Ведь сегодня его очередь!

— Дык ему завтра рано вставать надобно, на базар ехать, а я всё равно ничего не делаю.

— Ладно, сын мой любезный, награжу я тебя за то, что ты вместо среднего брата волю отцовскую исполняешь.

Гаркнул Никодим молодецким голосом, свистнул богатырским свистом:

— Гей ты, Сивка-бурка, вещая каурка! Встань пе-

на печи за горшками, ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами!

А народ тем временем забурлил, только и разговоров, что о добром молодце, который смог через тридцать два венца дубовых перескочить да с царевной Аглаей перстнями обменяться. Судьи забыли дела судить, попы службы служить, пьяницы вино пить. Купцы лавки заперли, мастеровые работу забросили – все только и делают, что о женихе новоявленном толкуют, да только никто его имени да роду-племени не знает.

Говорят царь Горох с царицей Морковью дочери:

— Что ж, любимая наша Ярослава, сделали мы всё, как ты просила. Есть теперь у тебя суженый, только где ж нам сыскать его? Придётся тебе другого выбрать!

— Нет! – отвечает царевна. – Одно на небе солнце, и один у меня на свете сердечный друг, другого мне не надобно!

Делать нечего, велел царь окружить город надёжной стражей, всех впускать и никого не выпускать. А ещё приказал государь всем от мала до велика по очереди к царским хоромам приходить да показывать лбы – вдруг окажется у кого печать, что царевна поставила? Снова потянулся народ на дворцовую площадь. У каж-

рачку на кладбище идти. Взял он лепёшку, пришёл на погост, съел свой ужин, а потом лёг да захрапел. Как ударила полночь, земля зашевелилась, ветер завыл, вихрь закрутил, сова-полуночица застонала, вороньё запорхало, всполошились ведьмы, стали вокруг кладбища летать, засветились огоньки блудные, мертвецы в пляс пустились, камень гробовой свалился и вышел из могилы отец.

— Кто здесь? – спрашивает старик.

— Я, Иванушка-дурачок, – отвечает младший сын.

— Хорошо, сын мой любезный, награжу я тебя за то, что волю отцовскую исполняешь.

Гаркнул Никодим молодецким голосом, свистнул богатырским свистом:

— Гей ты, Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!

И тут же земля задрожала, прискакал конь златогривый. Из очей у него пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из-под копыт искры столбом летят. Замер он, как вкопанный, и спрашивает человеческим голосом:

— Чего тебе, хозяин, надобно?

Влез старик ему в одно ушко, из другого вылез и в

— Куда уж тебе, дурень! Иди свиньям в корыте корм размешивай!

— Так и быть, – вздохнул паренёк да побрёл в свинарник.

А как братья уехали, вышел он в чистое поле, на широкое раздолье, свистнул богатырским свистом, крикнул молодецким голосом:

— Гей ты, Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!

И тут же земля задрожала, прискакал конь златогривый. Из очей у него пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из-под копыт искры столбом летят. Замер он, словно вкопанный, и спрашивает человеческим голосом:

— Чего тебе, хозяин, надобно?

Влез Иванушка-дурачок ему в одно ушко, из другого вылез и в такого красавца превратился, что красной девушке во сне не пригрезится, ста мудрецам ста лет не хватит, чтобы его описать: словно наелся, напился, в бане помылся да нарядился. Оседлал он коня, пришпорил и велел скакать на дворцовую площадь. Взвился Сивка-бурка златогривый на дыбы, а потом помчался выше леса стоячего, ниже облака ходячего,

царевны Ярославы. А царская дочка уж такой красавицей была, что и солнце, и луна на её фоне меркли. Сама как картинка: очи соколиные, брови соболиные, походка павлинья, голосок как колокольчик звонкий. Взглядом поведёт, словно рублём одарит, а ежели слово молвит, так на душе так сладко становится, словно в жаркий день мёда холодного выпил. Как пришла пора, стали царь Горох с царицей Морковью думать да гадать, за кого бы им кровиночку свою замуж отдать. А зять им такой нужен был, чтобы царству правитель, народу защитник, собой хорош да дочке люб. И уж сколько женихов к Ярославе сваталось, не перечесть! У всякого, кто на неё хоть раз взглянул, сразу сердце ныть начинало, очи мутнели, есть да пить охота исчезала, сон пропадал, а сладкий кусочек горьким казался. Так было и с царями-царевичами, и с королями-королевичами, и с сильными богатырями, и с седобородыми стариками. Да вот беда – сама царевна никого не любила. Станет ей царь Горох о каком-нибудь женихе говорить, а у дочери один ответ:

— Не мил!

Заведёт царица Морковь речь о другом женихе, а Ярослава снова:

вместо чучела отгоняй!

— И то дело, – вздохнул паренёк и побрёл на огород.

А как братья уехали, вышел он в чистое поле, на широкое раздолье, свистнул богатырским свистом, крикнул молодецким голосом:

— Гей ты, Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!

И тут же земля задрожала, прискакал конь сереброгривый. Из очей у него пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из-под копыт искры столбом летят. Замер он, как вкопанный, и спрашивает человеческим голосом:

— Чего тебе, хозяин, надобно?

Влез Иванушка-дурачок ему в одно ушко, из другого вылез и в такого красавца превратился, что ни в сказках не слыхано, ни наяву не видано: словно наелся, напился, в бане помылся да нарядился. Оседлал он коня, пришпорил и велел скакать на дворцовую площадь. Взвился Сивка-бурка сереброгривый на дыбы, а потом полетел выше леса стоячего, ниже облака ходячего, большие реки вплавь преодолевает, малые хвостом застиляет, горы да холмы между ног пропускает.

Согласились родители с царевной, приказали терем выстроить в тридцать два венца дубовых. Украсили его бархатом, жемчужными подвесками да золотыми узорами, а потом велели гонцов по всему свету отправить, чтобы клич разослали, как царевна просила. Всполошился народ: немало желающих нашлось к Ярославе посвататься. Повалили люди на дворцовую площадь: на заставах писари новые паспорта выдавать не успевают; лошадей на дорогах столько, что не пробиться; шумит, гудит толпа, словно море-океан. Прибыли женихи и из царства Китайского, и из королевства Испанского, и с земли Магов премудрых. Как поднимут они голову да посмотрят на царевну, что у окошка сидит, так у всех сердце сразу в пятки уходит. И вот подали царь Горох с царицей Морковью знак к началу состязаний. Стали добрые молодцы пытаться до Ярославы допрыгнуть, только ни у кого не выходит: падают все, словно соломенные снопы – смех, да и только! Захотели и Фома с Пахомом съездить на дворцовую площадь, посмотреть, как женихи за царевну борются. А Иванушка-дурачок с ними просится:

— Братцы, милые, возьмите меня с собой!

Только братья не соглашались:

— Куда уж тебе, дурень! Сиди дома, кур стереги!

— Ладно, – вздохнул паренёк и побрёл в курятник.

А как братья уехали, вышел он в чистое поле, на широкое раздолье, свистнул богатырским свистом, крикнул молодецким голосом:

— Гей ты, Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!

И тут же земля задрожала, прискакал конь медногривый. Из очей у него пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из-под копыт искры столбом летят. Замер он, как вкопанный, и спрашивает человеческим голосом:

— Чего тебе, хозяин, надобно?

Влез Иванушка-дурачок ему в одно ушко, из другого вылез и в такого красавца превратился, что ни в сказке сказать, ни пером описать: словно наелся, напился, в бане помылся да нарядился. Оседлал он коня, пришпорил и велел скакать на дворцовую площадь. Взвился Сивка-бурка медногривый на дыбы, а потом полетел выше леса стоячего, ниже облака ходячего, большие реки вплавь преодолевает, малые хвостом застилает, горы да холмы между ног пропускает. Прискакал Иванушка-дурачок к терему высокому, взвился

конь ясным соколом, через тридцать венцов дубовых перескочил, только двух не достал и умчался прочь вихрем пролётным. Зашумел народ:

— Лови! Держи!

Да куда уж там! Всадника и след простыл. Как оказался добрый молодец дома, сразу в парнишку неумытого превратился. Воротились старшие братья, стали жёнам своим рассказывать:

— Столько народу свататься понаехало, но никто и до половины терема допрыгнуть не смог. А один молодец через тридцать венцов дубовых перескочил, только двух не достал!

Услышал их слова Иванушка-дурачок и говорит:

— Братцы! Так ведь это я был!

Рассмеялись Фома с Пахомом:

— Молчи ты, дурень! Куда уж тебе? Лежи на печи да ешь калачи!

На другой день стали старшие братья опять на царскую потеху собираться. А Иванушка-дурачок с ними просится:

— Братцы, милые, возьмите меня с собой!

Только братья не соглашаются:

— Куда уж тебе, дурень! Иди в огород да воробьёв

– Не люблю!

Долго так продолжалось, пока мать с отцом не позвали к себе дочку любимую да не обратились к ней с такой речью:

— Дитя наше милое, намоленное, распрекрасная царевна! Пора тебе жениха себе выбирать. Смотри-ка, ведь сваты со всего света нам пороги оббили, а ты до сих пор никак себе доброго молодца по сердцу не выберешь!

Отвечает тогда Ярослава родителям:

— Государь мой, батюшка, государыня моя, матушка! Что же делать, если никто мне по душе не приходится? Ведь сердцу-то не прикажешь! Любовь – дело вольное, как птичка Божья: куда захочет, туда и полетит, где захочет, там гнездо и совьёт. Очень уж я хочу волю вашу исполнить, а значит, пусть судьба решит, кому быть моим мужем. Прикажите терем высокий построить, в тридцать два венца дубовых. Сяду я у окошка на самом верху да буду суженого своего дожидаться. А вы по всему свету клич кликните: пусть съезжаются все, кто ко мне посвататься хочет. Тому, кто допрыгнет до моего оконца и со мной перстнями обменяется, я и стану невестой.

Прискакал Иванушка-дурачок к терему высокому, взвился конь ясным соколом, через тридцать один венец дубовый перескочил, лишь одного не достал и умчался прочь вихрем пролётным. Зашумел народ:

— Лови! Держи!

Да куда уж там! Всадника и след простыл. Как оказался добрый молодец дома, сразу в парнишку неумытого превратился. Воротились старшие братья, стали жёнам своим рассказывать:

— Столько народу свататься понаехало, но никто и до половины терема допрыгнуть не смог. А один молодец через тридцать один венец дубовый перескочил, только одного не достал!

Услышал их слова Иванушка-дурачок и говорит:

— Братцы! Так ведь это я был!

Рассмеялись Фома с Пахомом:

— Молчи ты, образина немытая! Куда уж тебе? Лежи за печью да не суйся с речью!

На третий день стали старшие братья снова на царскую потеху собираться. А Иванушка-дурачок с ними просится:

— Братцы, милые, возьмите меня с собой!

Только братья не соглашались:

такого красавца превратился, что ни в сказке сказать, ни пером описать: словно наелся, напился, в бане помылся да нарядился.

— Вот, – говорит, – тебе, сын мой любезный конь богатырский! А ты, Сивка-бурка, служи Ивану, как мне служил.

— Как прикажешь, хозяин! – отвечает конь.

Только он эти слова произнёс, как запели петухи и старик тут же обратно в могилу провалился. Пришёл Иванушка-дурачок домой, а братья к нему с вопросами:

— Ну, как ты ночь у отца на погосте провёл? Что видел, что слышал?

— Да ничего я не видел и не слышал, – отвечает младший брат. – Всю ночь крепким сном проспал.

Стали они все дальше жить-поживать: старшие братья с умом, а младший с дурью. Живут день за днём, как будто баба нитки на клубок наматывает: день прошёл и слава Богу! И сколько бы ещё так времени прошло, никому неизвестно. Только однажды разослал царь Горох по всему царству глашатаев, велел донести до народа честного государев указ: прибыть на дворцовую площадь да попробовать завоевать сердце

большие реки вплавь преодолевает, малые хвостом застилает, горы да холмы между ног пропускает. Летит добрый молодец сквозь тучи небесные, гремит его кольчуга серебряная, русые кудри по ветру развеваются. Как прискакал Иванушка-дурачок к терему высокому, взвился конь ясным соколом, перепрыгнул через тридцать два венца дубовых. Обнял добрый молодец царевну руками богатырскими, обменялся с ней перстнями, да успела Ярослава поставить ему на лбу печать свою – звезду алмазную. И тут же умчался Иванушка-дурачок на лихом коне прочь. Зашумел народ:

— Лови! Держи!

Да куда уж там! Всадника и след простыл. Как оказался добрый молодец дома, сразу в парнишку неумытого превратился. Перевязал он лоб тряпицей да на печь завалился.

Воротились старшие братья, стали судить-рядить:

— Что ж это за незнакомец, который сумел через тридцать два венца дубовых перепрыгнуть?

Услышал их слова Иванушка-дурачок и говорит:

— Братцы! Так ведь это я был!

Рассмеялись Фома с Пахомом:

— Молчи ты, чучело косматое! Куда уж тебе? Лежи

редо мной, как лист перед травой!

И тут же земля задрожала, прискакал конь сереброгривый. Из очей у него пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из-под копыт искры столбом летят. Замер он, как вкопанный, и спрашивает человеческим голосом:

— Чего тебе, хозяин, надобно?

Влез старик ему в одно ушко, из другого вылез и в такого красавца превратился, что ни в сказке сказать, ни пером описать: словно наелся, напился, в бане помылся да нарядился.

— Вот, – говорит, – тебе, сын мой любезный конь богатырский! А ты, Сивка-бурка, служи Ивану, как мне служил.

— Как прикажешь, хозяин! – отвечает конь.

Только он эти слова произнёс, как запели петухи и старик тут же обратно в могилу провалился. Пришёл Иванушка-дурачок домой, а Пахом у него спрашивает:

— Ну, как ты ночь у отца на погосте провёл? Что видел, что слышал?

— Да ничего я не видел и не слышал, – отвечает младший брат. – Всю ночь крепким сном проспал.

На следующую ночь настала очередь Иванушке-ду-

дого слуги царские лоб осматривают, только ни у кого нет звезды алмазной. Уж к обеду дело, а в царских хоромах охают да ахают, стол не накрывают. Ходят царь Горох с царицей Морковью, нахмурившись, а царевна Ярослава сидит у окошка, пригорюнившись. Вот собрались по государеву указу и Фома с Пахомом свои лбы показывать, а Иванушка-дурачок с ними просится:

— Братцы, милые, возьмите меня с собой!

Только братья не соглашаются:

— Куда уж тебе, дурень! Сиди на печи да мух гоняй! Вон и так лоб тряпицей замотан, где ж расколотил ты его?

— Дык я вчера, как вы ушли, о дверь ударился. Дверь-то уцелела, а на лбу шишка вскочила.

Как ушли братья, Иванушка-дурачок с печи слез да тоже на дворцовую площадь побежал. Только хотели стражники тряпицу с его лба сорвать, а он как закричит! Вышла на крик Ярослава, подошла к пареньку и сняла повязку. Глядь: а во лбу-то звезда алмазная горит! Взяла тогда царевна Иванушку-дурачка за руку и к родителям отвела:

— Вот, говорит, царь-батюшка и царица-матушка, мой жених, ваш зять!

ногровый. Из очей у него пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из-под копыт искры столбом летят. Замер он, как вкопанный, и спрашивает человеческим голосом:

— Чего тебе, хозяин, надобно?

Влез старик ему в одно ушко, из другого вылез и в такого красавца превратился, что ни в сказке сказать, ни пером описать: словно наелся, напился, в бане помылся да нарядился.

— Вот, – говорит, – тебе, сын мой любезный, конь богатырский! А ты, Сивка-бурка, служи Ивану, как мне служил.

— Как прикажешь, хозяин! – отвечает конь.

Только он эти слова произнёс, как запели петухи и старик тут же обратно в могилу провалился. Пришёл Иванушка-дурачок домой, а Фома у него спрашивает:

— Ну, как ты ночь у отца на погосте провёл? Что видел, что слышал?

— Да ничего я не видел и не слышал, – отвечает младший брат. – Всю ночь крепким сном проспал.

На следующую ночь пришёл черёд Пахому на кладбище идти. А ему-то ой как страшно! Говорит тогда средний брат Иванушке-дурачку:

его туда, где растёт яблонька с серебряными листьями, с золотыми яблочками. Вырвал он её с корнем и повёз царю Гороху. Посреди пути повстречал старших братьев. Не признали Фома с Пахомом Иванушку-дурачка, стали просить продать чудо-яблоньку. А добрый молодец им отвечает:

— Эта яблоня не продажная, а заветная.

— А каков же завет? – спрашивают братья.

— Да завет невелик: отдайте мне каждый по пальцу со своих правых ног.

Подумали Фома с Пахомом, подумали да завет выполнили. Привезли яблоньку с серебряными листьями, с золотыми яблочками царю Гороху, стали хвастаться:

— Вот, государь, ездили мы далеко, за моря, туманные горы, много нужды на пути том нелёгком претерпели, но приказ твой исполнили.

Обрадовался царь, велел пир затеять, а потом подарил братьям по городу. Ещё больше Фома с Пахомом возгордились, никакого житья от них не стало. Опять посланники народные к царю пришли и говорят:

— Государь ты наш справедливый! Велика ли служба – яблоньку из земли вырвать да тебе привезти? Хоть

че, как Иванушкой-дурачком. Дурачок-то оно, конечно, слово неласковое, сродни дураку, а всё ж поласковее будет.

Вот жили они так, жили, а всё ж пришлось старику помирать. Хочешь не хочешь, а уж так на белом свете устроено: живи-живи, а потом умри. Вот созвал отец всех своих сыновей и говорит:

— Дети мои любезные, вот и пришёл мой час смертный. Ни о чём вас не прошу, только исполните последнее моё желание: как упокоюсь я в сырой земле, каждый из вас должен будет на кладбище прийти и рядом с моей могилкой по одной ночи провести. В первую ночь ты, Фома, приходи, во вторую ты, Пахом, а в третью ты, Иванушка-дурачок.

Старшие сыновья как люди разумные пообещали отцу исполнить его последнее желание. А младший сын ничего не сказал, только затылок почесал. Глупец — что с него взять?

Вот похоронили братья отца, кутьи да блинов на поминках поели и стали ко сну собираться. Страшно Фоме ночью на кладбище идти, говорит он тогда Иванушке-дурачку:

— Мне завтра рано вставать надобно, хлеб мо-

со своих правых рук.

Подумали Фома с Пахомом, подумали, решили, что раз без ума люди живут, то и без пальцев прожить можно. Выполнили они завет, привезли свинку с золотой щетинкой, с серебряными клыками да с двенадцатью поросятами царю Гороху, стали хвастаться:

— Вот, государь, ездили мы далеко, за моря дальние, за леса непроходимые, за пески сыпучие, много нужды на пути том нелёгком претерпели, но приказ твой исполнили.

Обрадовался царь, велел пир затеять, а потом подарил братьям по целой губернии. Тут уж и вовсе такая гордыня Фому с Пахомом обуяла, что словами не передать! Снова посланники народные к царю пришли и говорят:

— Государь ты наш справедливый! Велика ли служба — свинью с поросятами в мешок посадить да тебе привезти? Хоть и щетинка у неё золотая, и клыки серебряные, а всё равно свинья — она и есть свинья! Похваляются братья твоего зятя, будто знают, где живёт кобылица Змея Горыныча с золотой гривой да с алмазными копытами.

Позвал царь Фому с Пахомом и велел добыть чудо-

сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве, за Китайскою стеной, за Турецкими горами, за Эфиопскими пустынями, на молочном море с кисельными островами раскинулось государство, и правили в нём царь Горох с царицей Морковью. Много у них было мудрых бояр, богатых князей, могучих богатырей, а простого войска – без одного сто тысяч человек. Жили в том царстве разные люди: и купцы честные, бородатые; и плуты хитрые, плутоватые; и банкиры немецкие; и красотки шведские; и ремесленники русские. А в слободках пригородных крестьяне землю пахали, зерно засевали, муку мололи, на базаре продавали, а выручку жёнам отдавали.

Стояла в одной деревне хата старая, и жил в ней старик Никодим с тремя своими сыновьями: Фомой, Пахомом да Иваном. Хитёр был старик да умён. И вот случилось ему как-то с бесом повстречаться. Посидели они, погутарили, фляжечку медовухи распили, и выдал бес Никодиму многие тайны великие. Стал с той поры старик такие чудеса творить, что одни соседи прозвали его знахарем, а другие – колдуном. Бывало, сушит кого-то тоска сердечная, придёт он к Никоди-

нушку-дурачка, стали просить продать им чудо-кобылицу. А добрый молодец им отвечает:

— Нет, она не продажная, а заветная.

— А каков же завет? – спрашивают братья.

— Да завет невелик: отдайте мне каждый по уху.

Подумали Фома с Пахомом, подумали, решили, что и с одним ухом прожить можно. Выполнили они завет, привезли кобылицу с золотой гривой да с серебряными копытами царю Гороху, стали хвастаться:

— Ездили мы за тридевять земель, за моря-океаны, три дня и три ночи со Змеем Горынычем сражались, ушей в том бою лишились, но приказ твой исполнили.

Отмерил им царь Горох денег без счета, назначил первыми боярами в государстве да приказал пир на весь мир затеять. Три дня и три ночи повара стряпали, а потом как стал народ гулять, песни петь, словно пчёлы в улье шуметь! И вот в самый разгар веселья вошёл в палаты царские Иванушка-дурачок в том самом обличье, в котором он через тридцать два венца дубовых перескочил да до Ярославы добрался. Как увидели его братья, один чуть чарой вина не поперхнулся, а другой едва куском жареного лебедя не подавился. Руки развели, глаза выпучили, дар речи потеряли –

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/skazka_ob_ivanushke_durachke/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org